

политиков. Потребности эксплуататоров в идейном санкционировании сильной государственной власти в условиях перехода к феодальному строю обусловили не только торжество христианства — они привели также к созданию особой идеологической доктрины — фикции существования «всемирной» Римской империи².

Идея сильного централизованного государства была, на наш взгляд, по преимуществу прогрессивной в средние века, несмотря на те тяготы, которыми существование такого государства сопровождалось для трудящихся масс³. В раннее средневековье Византию считали таким государством, и политика следования ее примеру способствовала сплочению слабо связанных между собой племенных организаций и преодолению пережитков родоплеменного быта⁴. В эпоху феодальной раздробленности представление о едином государстве с централизованным аппаратом власти помогало переходу к национальному государству, а в период абсолютизма строй юстиниановской империи служил источником, образцом для формирования институтов новой государственной системы. Разумеется, после того как абсолютизм миновал стадию прогрессивного развития (к началу XVIII в.), идеализация Византийского государства стала служить реакционным целям.

В продолжение всего своего существования Византия, как ни одно современное ей государство, была страной, в которой принцип полной частной собственности нашел классическое оформление в действующем праве. С древнейших времен вплоть до стадии нисходящего развития капиталистического строя полная частная собственность и связанные с нею товарное обращение и предпринимательская деятельность были одной из движущих сил прогресса в классовом обществе. Принцип полной частной собственности в докапиталистических формациях представлял собою в зародыше основу более прогрессивной формации — капитализма, который завершается цикл типов антагонистических обществ.

Полная частная собственность не была всеобщим институтом рабовладельческого общества и классического римского права. Наряду с собственностью «по праву квиритов», которая являлась как бы привилегией, существовала собственность перегринов, бонитарная собственность. Античная собственность к тому же была связана со структурой полиса, с литургиями. В ходе расширения внутреннего товарного обращения и процесса разложения рабовладельческого способа производства система полисов стала отмирать, а вместе с тем стали стираться и различия между видами античной собственности.

² Эти реминисценции послужили основой националистических теорий трансляции (перенесения) «руководящей» роли отдельных народов в истории. В Византии полагали, что после победы христианства «избранной богом» народностью являются уже не римляне, а греки, так как язык Евангелия и вселенских соборов — греческий. Константинополь называли Новым Римом. При Карле Великом теория трансляции была развита на Западе: утверждалось, что право гегемонии после отхода греков от римской церкви перешло к франкам. При Фридрихе Барбароссе в Германии проводили идею, что права римлян на мировое господство принадлежат отныне немцам. (O t t o F r i s i n g e n s i s, MGH, SS, XX, 338—496).

³ В. И. Ленин подчеркивал, что призывать историческую прогрессивность отнюдь не означает быть ее апологетом, так как и исторически неизбежные процессы несут с собой немало тягот для трудящихся. Апологет лишь тот, кто стремится замолчать мрачные стороны такого рода процессов и явлений (см. В. И. Л е н и н. Собр. соч., т. 3, стр. 523).

⁴ Наиболее яркими из таких пережитков последней стадии родоплеменного общества являлись указанные Ф. Энгельсом особенности строя военной демократии, которые в условиях феодализации стали на длительное время тормозом для дальнейшего культурного развития. «Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война... становится постоянным промыслом» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 2, стр. 164). Образ Raubritter'a — последнее воплощение этого пережитка военной демократии — является ярким антиподом идеалу представителя господствующего класса централизованной империи эпохи Юстиниана I.